С. И. Николаев

МОРСКОЙ КОСМИЧЕСКИЙ ФЛОТ

ЕГО ЛЮДИ, РАБОТА, ОКЕАНСКИЕ ПОХОДЫ

Сергей Николаев

Морской космический флот. Его люди, работа, океанские походы

«Горизонт»

2015

Николаев С. И.

Морской космический флот. Его люди, работа, океанские походы / С. И. Николаев — «Горизонт», 2015

В книге автор рассказывает о непростой службе на судах Морского космического флота, океанских походах, о встречах с интересными людьми. Большой любовью рассказывает о своих родителях-тружениках села – честных и трудолюбивых людях; с грустью вспоминает о своём полуголодном военном детстве; о годах учёбы в военном училище, о начале самостоятельной жизни – службе на судах МКФ, с гордостью пронесших флаг нашей страны через моря и океаны. Автор размышляет о судьбе товарищей-сослуживцев и судьбе нашей Родины.

© Николаев С. И., 2015
© Горизонт, 2015

Содержание

Об авторе 6
От автора 8
Мечте навстречу 9
Ожидание распределения 9
В оккупации 11
О подвиге сельской учительницы 14
Освобождение от фашистов 16
Возвращение к жизни 18
К новой жизни 25
Начало военной службы 31
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Сергей Иванович Николаев
Морской космический флот. Его люди, работа, океанские походы

© С. И. Николаев, 2015

* * *

Посвящается 70-летию Победы в Великой Отечественной войне, Дню космонавтики и моим друзьям-сослуживцам

Об авторе

Автор этой книги Сергей Иванович Николаев принадлежит к послевоенному поколению советских людей, пережившему тяжёлое военное детство. На долю этого поколения выпало продвигать нашу страну на передовые научно-технические и экономические рубежи. В биографии Сергея Ивановича прослеживаются типичные этапы жизни этого поколения и те свершения, к которым были причастны наиболее активные и достойные его представители. Родившийся и выросший в рабоче-крестьянской семье, проживавшей в Подмосковье, где расположены знаменитые курсы «Выстрел», выпускник средней школы избрал для себя военную стезю. С отличием окончив Пушкинское радиотехническое училище, он служил в Учебном Центре войск ПВО преподавателем по переподготовке офицеров как нашей, так и дружественных нам иностранных армий на новые образцы вооружения.

В 1964 году он поступает в Военную инженерную артиллерийскую академию имени Ф.Э. Дзержинского (ныне – Военная академия РВСН имени Петра Великого). После окончания академии, в 1969 году Сергей Иванович получает направление в Морской командно-измерительный комплекс на должность начальника отделения на научно-исследовательское судно «Академик Сергей Королёв». С этого времени судьба связывает его с одним из самых передовых направлений научно-технического прогресса – освоением космического пространства.

В декабре 1970 года на НИС «Академик Сергей Королёв» был торжественно поднят вымпел Академии наук СССР, и оно было приписано к Черноморскому морскому пароходству.

НИС «Академик Сергей Королёв» для Сергея Ивановича и других членов научной экспедиции стал не только местом службы и работы, но и вторым домом. Быстро освоил специальность обработки телеметрической информации пилотируемых космических кораблей типа «Союз», орбитальных станций «Салют», «Алмаз» и других космических аппаратов. Группа обработки телеметрической информации, возглавляемая С.И. Николаевым, успешно провела работы по стыковке КА «Союз 10», «Союз 11» с орбитальной станцией «Салют-1» и многим другим космическим аппаратам. Позже Сергей Иванович был назначен на должность начальника отделения автоматизированного управления корабельным радиотехническим комплексом. Деловой авторитет по достоинству был оценен руководством экспедиции и Центра.

В 1975 году его назначают возглавить и подготовить к работе группу дешифровки телеметрической информации по программе стыковки космических аппаратов «СОЮЗ-АПОЛЛОН». Отлично завершив работы по стыковке «СОЮЗ-АПОЛЛОН», Сергей Иванович назначается начальником отделения ЭВМ, баллистического обеспечения и автоматизированной обработки телеметрической информации на вновь строящееся судно НИС «Космонавт Павел Беляев». Это был горячий период развития космических средств в интересах обороны, науки и народного хозяйства, напряжённое время для тружеников космоса. Участвуя в организации и проведении научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ, принятии в эксплуатацию ЭВМ и программном обеспечении для управления новых космических аппаратов и пилотируемой орбитальной станции «МИР», Сергей Иванович вкладывает в работу все свои знания, творческие способности и умение. Далеко не полное перечисление проектов, в которых он самым активным образом участвовал, даёт представление о напряжённости и продуктивности этого периода.

В 1982 году его приглашают на работу в Центральный научно-исследовательский радиотехнический институт, где он осваивает новое научное направление – автоматизация проектирования электронной и цифровой аппаратуры. Спустя год Сергей Иванович Николаев назначается на должность специального научно-производственного отдела, который требовалось доукомплектовать научными сотрудниками и подготовить их к решению стоящих перед отде-

лом задач. Эти проблемы были успешно решены. В 1985 году С.И. Николаев успешно сдал Госкомиссии НИР, научным руководителем которой он являлся.

Служебная и производственная деятельность автора этой книги отмечена государственными наградами и медалями Федерации космонавтики России.

Выйдя на пенсию, Сергей Иванович активно трудился в Производственном Объединении ВДОАМ, будучи заместителем директора Объединения, позже освобождённым секретарём парткома Объединения, членом Москворецкого РК КПСС.

Составной частью его большой общественной деятельности является членство в Союзе ветеранов Морского Космического флота. В коллективе он пользуется заслуженным авторитетом, с ним приятно работать и общаться. Сейчас, когда открылся новый его талант писателя-мемуариста, мы горячо желаем боевому товарищу больших успехов в творчестве и общественной работе.

В.А. Пятыгин *– полковник в отставке, доктор, профессор, член Международной академии информационных технологий, принимал участие в экспедициях на НИС «Академик С. Королёв»*

От автора

Первая моя книга «О Морском космическом флоте, о сослуживцах, о себе», изданная в 2007 году тиражом 100 экземпляров, была принята читателями с большим интересом. Их замечания и пожелания убедили меня эту книгу переиздать, существенно переработав и добавив больше информации о людях, причастных к тем событиям.

Рассказать обо всём, что испытал, пережил, будучи участником тех далёких событий, нет необходимости.

При написании книги я не преследовал цели удивить читателя чем-то необычным, тем более представить себя и моих сослуживцев людьми героическими, избранными судьбой для исключительно важного и ответственного дела. Отнюдь нет. Хотелось шире раскрыть одну из страниц истории освоения космического пространства, непосредственными участниками которой были моряки космического флота, с честью выполнившие вдали от Родины, возложенные на них задачи.

В настоящее время в периодической печати, на экранах телевизоров всё больше появляется материалов по ранее закрытым темам, в том числе и о Морском Космическом Флоте. К сожалению, мало рассказывается о моряках этого флота, об их трудной работе, быте и обеспеченности. Офицерский состав, на котором лежала основная тяжесть экспедиционных работ, льгот по службе не имел, жилплощадью не обеспечивался.

В Москве действуют два музея МКФ и его филиалы в Санкт-Петербурге и Одессе. Московские музеи расположены в Культурном центре «Митино» и в школе имени космонавта В. Комарова.

Жизнь быстротечна, особенно на завершающем этапе. Многих из ветеранов МКФ уже нет в живых, не все ныне здравствующие могут посетить музей и ознакомиться с его экспозицией. Прочесть же книгу о МКФ, увидеть фотографии и вспомнить свою молодость доступно каждому.

Перечитывая материалы о Морском космическом флоте, его научно-исследовательских судах, об океанских походах, участники тех событий с волнением вспомнят пройденное и пережитое, ощутят свою причастность к истории России.

Не сомневаюсь, что с нескрываемым интересом прочтут предлагаемую книгу внуки наших ветеранов. И тогда, нежно обняв дедушку, с волнением скажут: «Дедушка, милый, да ты у нас герой. Мы гордимся тобой!» Расстроится дед, незаметно смахнёт упавшую на уставшие руки скупую слезу и, поймав себя на мысли, что втайне всегда гордился сделанным, сбивающимся от нахлынувших чувств голосом скажет: «Что вы, какой я герой. Таких, как я – тысячи. Героями будете Вы, если возродите Россию и сделаете её вновь могущественной и уважаемой».

Успокоившись, уединится ветеран, откроет шкаф, расправит медали на висящей без дела тужурке и, предавшись теплу чувств от только что пережитых воспоминаний, мысленно поблагодарит всех тех, кто вспомнил и написал, собрал и сохранил всё то, что причастно к истории Морского космического флота.

А я, вложивший хоть немного информации в общую копилку памяти о тех исторических событиях, считаю, что не зря потратил на это время.

Мечте навстречу

Ожидание распределения

Я и мои однокурсники по Военно-инженерной академии им. Дзержинского, защитив дипломы, с надеждой и некоторой настороженностью ждали распределения. В нашей группе обстановка была относительно спокойной. По просочившейся информации мы знали, что специалисты по ЭВМ и программисты, в основном, будут распределены в НИИ-4, ГРУ, ГШ, ГВЦ, ГУКОСа и подмосковный командно-измерительный комплекс. О Морском командно – измерительном комплексе с центром управления в городе Москве информацией мы не располагали. Но скоро всё прояснилось. Неожиданно слушателей нашего отделения, среди которых был и я, пригласили на беседу к начальнику факультета. Беседа проходила индивидуально с каждым. Беседу вел майор И.Н. Поздняков. Илья Никитович представлял морской командно-измерительный комплекс, в состав которого входили научно-исследовательские суда, предназначенные для контроля работы бортовых систем пилотируемых космических кораблей и аппаратов из различных точек Мирового Океана.

Ознакомившись с личным делом, он предложил мне продолжить дальнейшую службу в морском комплексе. Я принял данное предложение. Стать моряком – была моя мечта, и я шёл к её реализации все эти годы. После окончания средней школы закончил в городе Москве годичные курсы судовых радистов. Пройдя практику на рыболовных судах и береговой радиостанции в городе Приморске Ленинградской области, получив диплом радиста второго класса, я понял, что остановиться на достигнутом было бы непростительной ошибкой. Условия работы, в которых я оказался, были, мягко говоря, сносными. Небольшой рыболовецкий совхоз, располагавший пятью траловыми ботами, два из которых еле держались на плаву, редко занимался выловом рыбы. Большую часть времени на этих ботах вывозили с островов заготовленное сено. Подсобное хозяйство позволяло совхозу не только сводить концы с концами, но и обеспечивать своих работников продуктами питания. Поэтому окончательно пришёл к решению, что с рыбацкой экзотикой надо заканчивать и поступать на учёбу в высшее инженерное мореходное училище им. Макарова. Специальность радиста – пусть останется моим хобби.

Однако плану не суждено было сбыться. В ноябре 1955 года я был призван на действительную военную службу. Почти год службы радистом во 2-й гвардейской артиллерийской дивизии, дислоцировавшейся в городе Пушкине Ленинградской области, затем учёба в военном училище пять лет службы в должности преподавателя в 12-м Учебном Центре войск ПВО страны, учёба в академии им. Дзержинского – и мечта стала былью.

Участие во многих длительных заграничных экспедиционных рейсах, работа по многим космическим кораблям и аппаратам, стоянки в различных иностранных портах, знакомство с жизнью и культурой посещаемых стран сделали мою жизнь интересной и полезной.

Ожидание Приказа Министра Обороны СССР о назначении на новую должность было томительным и в отдельные моменты вызывало чувство беспокойства. Хоть я и дал согласие продолжить службу на научно-исследовательских судах МКФ (морской космический флот), полной уверенности, что Приказом буду назначен именно туда, не было.

На службу приходилось приходить ежедневно, но заняться было нечем. Учебный класс, ставший за годы учебы родным, стал недолгим пристанищем в желанном храме науки.

Сидя частенько на подоконнике раскрытого окна, предавался воспоминаниям о прожитых годах, бежавших то строкой, то четкими кадрами в моем сознании. На улице было нестерпимо жарко. В классе было комфортно. Толстые стены учебного корпуса, построенного в петровское время, надежно сохраняли прохладу. Окна класса выходили в академический дворик,

в центре которого был уютный садик. Густая крона старых лип хоть и укрывала от солнечных лучей, но не спасала от духоты. Даже воробьи, купающиеся в лужицах, оставшихся после утреннего полива, выглядели растрепанными и не выражали особой радости от получаемой процедуры.

Дни тянулись мучительно долго. Вспомнил многое… Хочется поделиться воспоминаниями о военных и послевоенных годах, о трудностях, выпавших на долю простых людей, работавших в тылу, особенно о крестьянах, чей изнурительный труд обеспечил продовольствием не только фронт, но и тех, кто в цехах заводов и фабрик, в шахтах, в лабораториях институтов и конструкторских бюро ковали общую победу.

В оккупации

Ноябрь 1941 года был особенно тревожным. Фашистские войска все ближе и ближе подходили к Москве. Заняты города Руза, Калинин, Клин. В прифронтовой полосе оказались Солнечногорск и Дмитров. Ночное небо, подсвечиваемое полыхающими пожарами, все чаще вспарывалось лучами прожекторов, вырывавших в ночном небе немецкие бомбардировщики, рвавшиеся к Москве. Громче и отчетливее слышалась орудийная канонада.

Жители деревни Тимонова, руководимые моим дедом – Киселевым Иваном Филипповичем, бывшим в то время председателем колхоза, прятали в тайниках муку, зерно, соль, сахар, мясо мелкого скота, птицы и многое другое. Крупный рогатый скот колхоза и некоторых селян был эвакуирован с отходом частей Красной Армии. Временно, как председателю колхоза, покинуть деревню пришлось и моему деду. Иван Филиппович прожил трудную жизнь. Двенадцать лет шагал трудными дорогами трёх войн, организовал колхоз и был его первым председателем.

Деревня, словно вымершая, в ночное время погружалась в глухую темноту. Люди боялись зажечь свет, лишний раз протопить печи. Все ожидали неминуемого прихода немцев.

И это случилось. Примерно 20-го ноября первая немецкая разведгруппа на трех танкетках вошла в деревню. В тот день мы гостили у бабушки, дом которой находился в северной части деревни. Маленького брата, которому было чуть больше месяца, мама оставила с дальним родственником – дедом Федором, гостившим у нас и не уехавшим в связи со сложившейся обстановкой.

При возвращении домой в боковом прогоне деревни мы увидели небольшую толпу сельчан, которые возбужденно махали руками, кричали и кому-то кланялись. Некоторые были с иконами. Подойдя чуть ближе, мы увидели немецких солдат. На ломаном русском языке они что-то выясняли, показывая руками в сторону Москвы. Одна из старух, держа в костлявых руках икону и неистово крестясь, не скрывала радости приходу новой власти, надеясь, что она отомстит прежней за доставленные ей унижения и вернет все, что у нее было отнято. Ее можно было понять. Раскулаченная в тридцатые годы, она затаила злобу на советскую власть. Найти себя в новых условиях не могла и не хотела.

Ее семья не была кулацкой. Обычные середняки, которые любили свою землю и умели на ней работать. Им, как и многим в то суровое время, не повезло. Каток всеобщей коллективизации подмял и сломал их. Затаенная обида как внутренний нарыв душила и озлобляла, изматывала им нервы. Даже врага, топтавшего коваными сапогами священную русскую землю, разорявшего наши города и села, убивающего тысячами ни в чем не повинных стариков, женщин и детей, она приняла с радостью и надеждой, что наконец-то наступит жизнь, о которой мечтала.

Увидев нас, эта старушка торопливо направилась к нам. Ее сморщенное лицо выражало злобу, выпученные глаза горели ненавистью. Угрожающе размахивая клюкой, она вплотную подошла к маме и прошипела:

– Ты, председательская су…… беги отсюда со своим щенком, а то ненароком привяжут к танкам и разорвут как бешеных собак.

Легко понять, что чувствовала мама в этот момент. Боялась не за себя, за меня. Подхватив меня на руки, она ускоренным шагом направилась к дому. Отдышавшись, мама рассказала деду о происшедшем. От слов старухи она долго не могла успокоиться. Насторожился и я, словно повзрослев, хотя мне было всего пять лет. Слова «война и враг» стали для меня не просто звуком, а приобрели конкретный смысл. Война – это горе, голод и смерть. Немец – это враг, который пришел убить нас. Такое осознание вскоре выразилось в моем поступке, который чуть не стоил мне жизни.

Вскоре после появления передового отряда фашисты заняли нашу деревню. Наш дом находился на ее окраине. Дом был небольшим, но чистым и уютным: две комнаты, отдельная кухня с русской печью, веранда и дворовая пристройка, в которой содержались овцы, куры и гуси. Комнаты буквально утопали в кружевах. Мама до войны работала на одной из московских швейных фабрик и занималась машинной вышивкой. Помню, что швейная машина «Singer», подаренная ей на свадьбу, строчила постоянно. Эта машина находится в рабочем состоянии и сейчас.

В нашем доме расположился немецкий штаб. Первое, что они сделали, загнали нас в маленькую комнату. Затем затопили печь, нагрели воды, натаскали в кухню соломы и устроили настоящую баню. Голые, обильно поливая себя водой, они довольно долго мылись, периодически выскакивали на улицу и валялись в снегу. В то же время солдаты, перебив кур и гусей, в большом чугуне, в котором мама варила скотине корм, приготовили на разведенном возле дома костре какую-то еду. Закончив помывку, «квартиранты» устроили в большой комнате ужин. Опьяненные успехами на фронте, подогретые шнапсом, они долго распевали песни и играли на губных гармошках. В какой-то момент один из немецких офицеров, долговязый и рыжий, завалился к нам в комнату, держа в руках что-то из продуктов. Подойдя к маме, он показал на зыбку, подвешенную к потолку, дал продукты и на ломаном русском языке и сказал:

– Киндер? Матка, кушать много надо.

Мама, испугавшаяся прихода немца, ожидала от него всего, но только не этого. Дед Федор свободно говорил по-немецки. В Первую мировую войну он несколько лет провел в немецком плену, работая на одной из ферм. Подойдя к немцу, он обменялся с ним несколькими фразами. Тот, дружелюбно похлопав его по плечу, неторопливо вышел.

Этот немец был поляком. Очевидно, война ему была чужда. Оказавшись в кровавой мясорубке, он не мог не выполнить приказа, и выполнял его, как подсказывала совесть. Воспоминание о доме, об оставленной семье размягчали его душу. И он, как бы оправдываясь за содеянное, пытался сделать что-то доброе. В удобные моменты передавал маме то колбасу, то сгущенку.

Немцы находились в нашей деревне восемнадцать дней. Но и этого срока хватило, чтобы понять всю трудность и отвратительность положения. Главное – это голод. Запасов продовольствия не было. Выживали, как могли. Дед Федор аккуратно собирал брошенные немцами продукты и остатки пищи. Мама их использовала. Однажды он принес большой кусок мороженой конины. Хоть с отвращением, но мы ее съели. В другой раз он принес целый мешок мороженых яблок. Немцы их выбросили, а нам они были в радость.

Мелкие подачки не растопили во мне вражды к немцам, которую я чувствовал постоянно. Как-то, одев фуражку, офицерский ремень с кобурой, вооружившись детским ружьишком, стрелявшим пистонами, я спрятался в сенях за входной дверью. Весь этот реквизит был оставлен офицером, квартировавшим у нас до прихода немцев. Ждать врага долго не пришлось. В первого вошедшего немца с криком «Ура!», «За Родину!» я выстрелил несколько раз. Ошеломленный неожиданностью происшедшего, немец схватил меня за ноги и готов был разбить об угол дома. Дед Федор, случайно увидевший эту сцену, буквально вырвал меня из его рук. Извинившись и объяснив немцу, что это еще глупый мальчик, за смелый поступок он не должен быть жестоко наказан, а наоборот, заслуживает уважения. Немец, польщенный тем, что русский «Иван» свободно говорит на его родном языке, отпустил меня и даже дал шоколадку.

Первые дни захвата деревни немцы вели себя спокойно. На южной стороне ускоренно сооружали огневые точки. Чувствовалось, что они готовятся к скорому наступлению. Части Красной Армии, отошедшие на линию Рогачевского шоссе, активных боевых действий не вели. Лишь однажды в деревню ворвался танк, который был подорван немцами, а экипаж расстрелян. Чуть позже в деревне появился эскадрон красноармейцев, очевидно заблудившийся

или не знавший реального положения линии фронта. Увидев опасность, уйти он уже не смог. Немцы окружили и расстреляли его, не пожалев лошадей.

В школе немцы развернули полевой госпиталь. Школьный двор, окруженный кустами сирени, еще недавно любовно ухоженный и благоухавший гроздями сирени и россыпью различных цветов, был превращен в скотобойню. Скот сельчан, не эвакуированный с отходом частей Красной Армии, был согнан немцами на школьный двор и забит. Кругом валялись головы, шкуры, конечности и внутренности животных. Стаи голодных собак и ворон, слетевшихся со всей округи, рвали и растаскивали это добро по укромным местам. Большинство яблонь и вишен в саду были вырублены. Ульи, убранные на зимнее время в один из коридоров школы, были частично сожжены, оставшиеся – выброшены на улицу. Учительница Лидия Александровна, интеллигентная женщина, в своё время окончившая институт благородных девиц, была выгнана из школы, её приютили сельчане. Единственной коровой, оставшейся в деревне, была корова моей бабушки. Забрать немец ее не смог, не далась. Но и не застрелил, пожалел ее за красоту и буйный нрав. Действительно корова была хороша, но бодлива. В народе говорят, что бодливой корове Бог рогов не даёт. Ей дал. Да ещё какие! Бабушка нарекла её – «Красоткой». Она соответствовала этому имени. Крутые рога, бело-красный окрас, большое вымя и крупные габариты выделяли ее из всего стада. «Красотка» еще долгие годы преданно служила бабушке, радуя ее хорошими надоями молока.

Зверств немецкие солдаты не проявляли. Не до этого было. Один из стариков преклонных лет, назначенный старостой деревни, к исполнению обязанностей приступить не успел. Деревня 12 декабря была освобождена частями Красной Армии.

О подвиге сельской учительницы

О подвиге молодой учительницы Новаковой Анастасии Федоровны хочется рассказать особо. Ася, как любовно звали её товарищи, преподавала географию в школе рабочей молодежи в городе Солнечногорске. Накануне вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР Анастасия Федоровна переехала в деревню Вертлино, где в сельской семилетней школе преподавала немецкий язык и географию. С захватом гитлеровцами Солнечногорска она намеревалась уйти в лес к партизанам. Однако сразу осуществить задуманное ей не удалось. Вскоре в деревню ворвались немцы.

Анастасия Федоровна проживала в доме колхозницы А.Ф. Шароновой. С приходом в село немцев хозяйка дома ушла в соседнюю деревню. Ася в доме осталась одна. Как – то темным поздним вечером в дверь осторожно постучали.

– Кто это, свои или гитлеровцы? – мгновенно мелькнуло у Анастасии Федоровны. Она вышла в сени. Прислушалась. За дверью было тихо.

– Кто? – решительно спросила Ася.

– Откройте. Свои, русские, – … почти шепотом попросил из-за двери молодой мужской голос.

Ася открыла дверь. На крыльце, прижимаясь к стене, стояли три лейтенанта. Впустив их в дом, она спросила:

– Кто вы и чего хотите?

Офицеры просили указать дорогу к нашим войскам в обход фашистских постов. Она согласилась им помочь. В первую очередь, хоть и скудно, но накормила. Затем, разыскав штатскую одежду мужа хозяйки дома, который в то время сражался на фронте против немецких захватчиков, их переодела.

– В таком – то пройти будет безопаснее, – заметила Ася.

Глубокой ночью, выведя лейтенантов за околицу деревни, она указала им дорогу. Расставаясь с Анастасией Федоровной, один из лейтенантов сердечно поблагодарил её и попросил передать партизанам небольшую записку.

– Это будет для них очень ценно! Только имейте в виду – записка больше никому попасть не должна.

Анастасия Федоровна взяла записку и бережно заложила ее за подкладку пальто.

– Потом зашью, – подумала она.

Проводив офицеров взглядом, пока их силуэты не скрылись в темноте зимней ночи, она пошла домой.

– Завтра уйду в лес или в соседнюю свободную от немцев деревню, а там и найду партизан, – размышляла она, подходя к тёмной избе.

Но намерению Анастасии Федоровны не суждено было сбыться. Шестого декабря 1941 года рано утром к дому Шароновой подъехал грузовик. Выглянув в окно, Ася догадалось, что это немцы. В голове невольно промелькнула мысль: «Изверги. Кто-то видел и предал». И ей припомнилось, что накануне вечером под окнами промелькнула какая-то женская тень.

В сенях уже тяжело топали сапогами немецкие солдаты. С шумом распахнулась дверь. Окружив хрупкую женщину, они направили на нее автоматы. Один из эсэсовцев, цепко схватив Асю за плечо, подтолкнул ее к двери. Ася успела набросить на себя пальто и прикрыть голову платком.

– Шнель! Пошел, – злобно кричал он пропитым и простуженным голосом. Выведя её на улицу и грубо подталкивая дулом автомата, втащил в кузов. Машина направилась в сторону деревни Осипова. Ася знала, что в доме колхозницы Карелиной находится немецкий штаб. Она поняла, что везут её именно туда. Подъехав к штабу, тот же эсэсовец внимательно обыскал

ее. Увидев подпоротую подкладку, немец достал оттуда спрятанную записку. Но он, и опомниться не успел, как Ася выхватила у него записку и, разорвав её на мелкие клочья, пустила по ветру. Сильный ветер, подхватив маленькие клочки бумаги, развеял их по глубоким сугробам и кустарникам. Собрать их было уже невозможно.

Избитую, почти теряющую сознание, Анастасию Федоровну втащили в дом. В тускло освещенной комнате за крестьянским столом сидел генерал. На печке, чуть прикрытой занавеской, Ася заметила хозяйку дома Карелину, испуганно смотревшую на нее.

Допрос проходил на немецком языке. Хозяйка дома не поняла, чего требовал от деревенской учительницы генерал. Но в деталях запомнила все, что там происходило.

Генерал кричал, топал ногами, угрожал расправой. Ася стояла спокойно и молчала. Молчала, словно у нее не было языка.

Устав от допроса, молодая женщина с презрением бросила ему по-русски:

– Отвечать не буду. Делайте со мной что хотите!

Фашист не ожидал от молодой женщины такой твердости и стойкости. Рассвирепев окончательно, он крикнул: Вегнемен! («Убрать!»).

Старая колхозница запомнила, как два здоровых эсэсовца, заломив Асе руки за спину, вытолкнули ее на улицу. Больше её она не видела.

Солдаты провели Анастасию Федоровну по деревне. Соседский мальчик Вася Касаткин, оказавшийся в тот момент с двумя сверстниками у избы, видел, как вели мимо них учительницу. Ася узнала их. Обернувшись, она крикнула им:

– Ребята, милые, прощайте!

Немцы вывели Анастасию Федоровну за деревню. Там в низине, заросшей кустарником и молодыми березками, её казнили.

Никто из сельчан не знал, где и как погибла героическая девушка. Зима надежно укрыла ее изувеченное тело белым пушистым снегом и надежно сохранила до весны. И только весной, когда стал подтаивать снег, жительница деревни Осипова Ксения Ивановна Юдина, собирая хворост, обнаружила обнаженное тело изуродованной женщины. Это была Новакова Анастасия Федоровна. Тело Аси представляло кровавое месиво. Грудь была исколота широкими ножевыми штыками, череп проломлен.

Новакову Анастасию Федоровну с почестями похоронили в деревне Вертлино возле школы, в которой она учила деревенских детей. На её могиле лежит мраморная плита, напоминающая людям о героическом подвиге простой сельской учительницы.

Освобождение от фашистов

Двое суток потребовалось нашим войскам, чтобы выбить фашистов из города Солнечногорска и близлежащих деревень.

Ранним утром 11 декабря 1941 года начался мощный артиллерийский обстрел, который продолжался до поздней ночи. Фашисты, оказывая сильное сопротивление, несли большие потери в живой силе и технике. Северная часть деревни полыхала пожарищем. Зловещее пламя перебрасывалось с одного дома на другой. Фашисты методично поджигали дома, освещая тем самым вероятное направление наступления наших войск.

В это время мы прятались в погребе, вырытом в огороде бабушки. В какой-то момент возле погреба разорвался тяжелый снаряд. Посыпалась земля, погас керосиновый фонарь. Боясь прямого попадания снаряда в погреб, пришлось срочно его покинуть. Под свист трассирующих пуль, грохот рвущихся снарядов мы перебежали в дом. Остаться в нем не решились. Соседний дом уже полыхал. Сильный ветер раздувал пламя. Ясно было, что загорится и бабушкин дом.

Собрав необходимые пожитки, запасы продуктов, укутав детей в теплые одеяла, мы с соседями направились в военный городок, надеясь надежно там укрыться. По дороге фашистов видно не было. Очевидно, они ее покинули, поняв бессмысленность сопротивления. Не было их и в военном городке. Подойдя к погребу, расположенному возле церкви, поняли, что он уже переполнен ранее ушедшими из деревни сельчанами. Выхода не было. Потеснившись, кое-как расположились в нем и мы. От большого скопления людей лед в погребе вскоре начал таять, было тяжело дышать, с потолка, по стенам текли струйки воды. Стало ясно, что дальше в погребе оставаться нельзя. День был на исходе. Артиллерийская канонада прекратилась. Изредка слышались автоматные очереди и винтовочные выстрелы.

Покинув погреб, укрывавшиеся в нем люди, направились к поповскому дому. На тот момент он представлял жуткую картину. Повсюду валялись окровавленные бинты, простыни, разорванные одеяла и поломанная мебель. В печах еще тлели угли.

Моя мама решила нас полусонных положить на кровать. Увидев какие-то провода, торчащие из-под матраса, она его откинула. Под ним лежала мина. Немцы, убегая из городка, заминировали поповский дом, в нескольких комнатах заминировали и мебель. Мама немедленно сообщила об этом деду Федору. Дед Федор вместе с другими стариками, находившимися рядом, осторожно обследовали дом, близлежащие постройки, внимательно осмотрели мебель. Несколько обнаруженных мин обезвредили и вынесли за церковь. Только после этого разрешили сельчанам размешаться. Счастье, что мама увидела провода. Не произойди этого, горя бы не миновать.

Ранним утром следующего дня в городке появились красноармейцы. Они сообщили, что деревня освобождена и можно вернуться к своим домам. Радости не было предела. Двенадцатого декабря был освобожден город Солнечногорск.

Тринадцатого декабря на несколько минут забежал домой мой отец. В то время он служил в авиационном полку, аэродром которого располагался возле деревни Строгино. Позже отец рассказывал, что он увидел на дороге Солнечногорск – Тимоново. Картина была страшной: сотни немецких трупов, большое количество разбитой военной техники валялись по обеим сторонам дороги. Особенно много всего этого было на дамбе. Поспешно отступая, немцы вынуждены были двигаться в район города Солнечногорск по дамбе, насквозь простреливаемой нашими войсками со стороны деревень Загорье и Вертлино. Другого пути для отступления у них не было. С восточной стороны дамбы было еще слабо замерзшее озеро Сенежское, с южной стороны – река Сестра и заболоченная низина. Дамба стала для фашистов дорогой смерти.

Возвратившись в деревню, сельчане увидели удручающую картину… Из шестидесяти домов более десятка были сожжены, многие – изрешечены пулями и частично разрушены прямым попаданием снарядов. Остовы печных труб, обгоревшие деревья, дымившиеся развалины и крики подавленных горем женщин заставляли содрогнуться от осознания нанесенного ущерба. Все живое замерло и попряталось, и лишь голодные собаки, очумевшие от страха, метались от одного дома к другому в поисках пищи.

Возвращение к жизни

Фашисты из деревни выбиты. Возвратился мой дед и приступил к исполнению обязанностей председателя колхоза. Деревня, совсем недавно радовавшая прохожих своей ухоженностью и порядком, была осквернена и частично сожжена. Первое, что надо было сделать, это расселить и накормить погорельцев. Многих приютили родственники, часть поселили в школе, оставшихся расселили в военном городке. Труднее было с продовольствием. Но и эта проблема как-то решалась. Большая часть селян до прихода немцев надёжно спрятала продовольствие, овощи, зерно и многое другое. Такие меры были приняты и колхозом, что помогло не только выжить, но и в первую военную весну частично засеять пашни, посадить овощи и собрать урожай. Трудней было со второй проблемой – трупы погибших красноармейцев и немецких солдат валялись повсюду. Сильных мужских рук не было. Остались четыре старика да несколько подростков. Конюшня была пуста – лошади, угнанные с отступающими нашими войсками, пока не были возвращены.

Немецкое командование не особенно заботилось о захоронении своих погибших солдат. Свидетельством тому было то, что часть их трупов были свалены в наскоро вырытую в центре деревни яму, другие – были разбросаны по всей деревне. Пришлось селянам предать их земле.

Представьте картину: молодые женщины, наши мамы и сестры, еще полные сил бабушки, впрягшись в сани, загруженные трупами, везут их к могилам. Двенадцать погибших красноармейцев похоронили в центре деревни, в братской могиле. Немцев – в силосной яме возле свинарника. Красноармейцы погибли в скоротечном бою за деревню. Не много ли? Много! К сожалению, в начале войны в Красной Армии применялась тактика лобовых атак, используемая в Гражданской войне. Такая тактика в то время была оправданной. Она приносила успех наступающей кавалерии. В войне с фашистами, вооруженными автоматическим оружием, наступающая пехота в лобовых атаках несла большие потери. Эта тактика была запрещена лишь в 1942 году.

На месте захоронения красноармейцев стоит памятник, ежегодно в День Победы к нему приходят участники тех далёких событий, ветераны, местные жители, военнослужащие воинских частей. За братской могилой заботливо ухаживают: установлена ограда, заасфальтированы дорожки, на клумбах до поздней осени цветы. Берёзки, когда-то посаженные вокруг памятника, выросли и теперь надежно прикрывают могилы от палящих солнечных лучей. Небольшие стайки птиц в тенистых аллеях нежно щебечут и поют только им понятные песни. Здесь царит покой и умиротворение…

Разорение, нанесённое фашистами, не сломало дух и не ослабило воли селян наладить жизнь заново. С чего начать? Естественно – со строительства домов на месте сгоревших. Но нет! Были другие, более важные задачи. Не за горами весна, а там и полевые работы. В ближайшее время власти обещали вернуть колхозный скот. Куда поставить его? Конюшня была частично разрушена. Разорвавшимся снарядом снесена крыша коровника, стойла занесены большим слоем снега. Навалившись всем миром, восстановили и коровник, и конюшню. Помогали все и чем могли. Дед Степан, до войны работавший конюхом и кузнецом в колхозе, вместе с дедом Захаром отремонтировали в конюшне котельную и душевую комнату. Вскоре был возвращён колхозный скот и часть лошадей. Вовремя восстановленный скотный двор помог в ту суровую зиму сохранить животных и облегчить проведение весенне-полевых работ.

Бежали дни, жизнь медленно налаживалась. Открылся небольшой магазинчик, в котором можно было купить хлеб, соль, керосин или взять в долг на неопределённое время. Огорчало одно – стали приходить похоронки. То в одном, то в другом доме слышался плач женщин и детей, скорбящих по потере мужа, отца, сына или брата. Одну из первых похоронок получила

моя бабушка. Под Москвой погиб её сын Василий, старший брат моего отца. Перед войной он закончил академию и командовал стрелковой ротой.

Первая военная зима была особенно трудной. При всех тех бедах, свалившихся на плечи людей, требовалось помогать фронту. Эта помощь выражалась в заготовке берёзовых дров и доставке их на железнодорожную станцию. Завизжали пилы и зазвенели топоры в слабых женских руках. Сводились берёзы, распиливались на метровые поленья и вывозились в деревню. Далее подростки, одетые в отцовские тулупы, переправляли их в город. Заготовка дров продолжалась весь год.

Общее горе сплачивало людей. К осени 1942 года на месте сожжённых домов были построены новые. Строили всем колхозом, руками женщин, стариков и подростков. Большую помощь оказывал город. Его предприятия выделяли пиломатериалы, гвозди, скобы и многое другое. Столярный цех металлического завода изготовил двери и рамы.

Деревня Тимоново расположена на высоком холме в пяти километрах от города Солнечногорска. Рядом реки Сестра, Истра и озеро Сенежское. Сама деревня уникальна не только по расположению, но и по планировке. Когда-то она представляла сборище убогих деревенских лачуг, беспорядочно теснившихся друг к другу. В годы советской власти деревня была построена заново и приняла современный вид. Скотные дворы, амбары были вынесены за черту деревни, вырыты три пруда, в которых разводилась рыба.

Гордостью деревни была школа. Под железной крышей, обитая тёсом, утопающая в кустах сирени и вишен, она напоминала барский дом. Удивительно, что фашисты её не уничтожили, не разграбили, а лишь только осквернили.

Школа долгие годы оставалась культурным центром, источником знаний для многих поколений деревенской молодёжи. В этом огромная заслуга её первой учительницы Ярцевой Лидии Александровны. Она до преклонного возраста передавала свои знания крестьянским детям.

Местоположение деревни наложило определённый отпечаток на жизнь и быт её жителей. Окрестности города Солнечногорска очень живописны. Здесь расположено множество санаториев и домов отдыха. Озеро Сенежское и огромные лесные массивы издавна привлекали сюда москвичей. В районе Солнечногорска бывали и жили известные деятели русской культуры и искусства: А.М. Горький, поэты А.М. Майков и А. Блок, историк 18-го века В.Н. Татищев. В селе Тимоново в 1898 году жил художник И.И. Левитан. В своём письме к А.П. Чехову он писал: «Вернулся из-за границы и тотчас же приехал в деревню. Живу я здесь в великолепном месте: на берегу очень высоком громадного озера, кругом леса, а в озере кишит рыба, даже бывают крокодилы (это для тебя, я думаю, заманчиво). Предлагаю приехать сюда ко мне погостить. Все удобства обещаю. Привези удочки и лови себе на доброе здоровье всякую рыбину».

Перезахоронение, дер. Тимоново 4 мая 2009 г.

Озеро Сенежское

Озеро Сенежское – водоём искусственный. Когда-то это было болотистое место, расположенное в ложбине равнины клинско-дмитровской гряды. Протекающие вблизи озера полноводные тогда реки натолкнули на мысль соединить реки Москву и Волга. В 1825–1844 годах этот замысел пытались реализовать, но осуществить проект не удалось. Тогда был сооружён канал и ряд шлюзов, а также построена плотина-дамба у северо-западного берега озера, преградившая путь реке Сестре. Так образовалось озеро Сенежское. Позже на дамбе построили небольшую гидроэлектростанцию, которая снабжала электроэнергией город Солнечногорск и близлежащие деревни. В 70-е годы 20-го столетия выше по течению реки Сестры соорудили вторую плотину, образовавшую второе озеро. Ныне оно является частной собственностью. Платная рыбалка, организованная на нём, простому труженику и заслуженному пенсионеру недоступна.

Вот так! Наши предки, ценой жизни ради лучшего будущего уничтожили царизм, победили в Великой Отечественной Войне, из пепла возродили многострадальную Россию и вновь сделали её великой, как вдруг в лихие 90-е кучка хапуг и выскочек, молчавших до поры и времени, довели ЕЁ до состояния, когда те, кто создавал её могущество, оказались за чертой бедности.

Берег озера Сенежское планомерно захватывается. Вернее, давно захвачен. Просто владельцы ждут удобного времени, чтобы выгодно реализовать эти дорогие земли. В «Доме творчества художников» людей с мольбертами давно уже не видно. Зато плакат с сексуальной русалкой открыто призывает посетить сомнительное учреждение. И что? Соответствующие органы об этом не знают? Знают! Почему мер не принимают – понятно. Рядом с «Домом творчества» за высокими заборами стоят элитные коттеджи, вплотную подходящие к воде. Не простой передовик труда построил такой барский дом. Не он соорудил пристань, нагло нарушив закон об охране природных водоёмов и запрете строительства любых объектов в непосредственной близости к ним. Однако кто-то строил и продолжает строить, не обращая внимания на недовольство простых людей. Чего ждут? Революции? Она будет, если эта вакханалия будет продолжаться.

Дом творчества художников превращён в увеселительную ночлежку. Большие прибрежные полосы земли занимают Водоканал и сомнительно действующий Рыбхоз. Понятно, что эти земли выкуплены и ждут благоприятного момента для продажи.

Два пляжа в купальный сезон не могут вместить всех желающих. Первый, расположенный у городского парка, минимально обустроен. Имеется автостоянка, лодочная станция, спортивные площадки. Но место для пляжа выбрано неудачно. Мелководье, застойная вода непонятного цвета и отвратительного запаха отпугивают многих отдыхающих. Второй пляж – полудикий. Ни туалетов, ни автостоянки. В летний период подсыпается речной песок, вручную очищается акватория пляжа от зарослей. Предусмотрительно установлены таблички «Купаться запрещается». Вот и всё. Можно было сделать больше, но не делается. Не работает Рыбхоз. Явно, что земля, занимаемая им, кем-то выкуплена. Лакомый кусок, протяжённостью свыше четырёхсот метров. Раньше Рыбхоз процветал. В любое время года не пустовали домики для рыбаков. К услугам желающих было достаточное количество лодок и рыболовных принадлежностей.

…Начальная школа, расположенная в деревне, давала ученикам не только знания, но и воспитывала их, приучала к труду. В трудные военные годы многих приютила, обогрела и накормила. Возглавляла школу Лидия Александровна Ярцева. Кроме неё работали молодая учительница и техничка, которая убирала помещения школы, топила печи и готовила обеды. Колхоз выделял школе продукты: молоко, мясо, зерно и овощи. Многие семьи колхозников в то время нуждались в материальной помощи. Эта помощь приходила не только от колхоза, но и от добрых людей.

Очередной звонок – и вот она долгожданная большая перемена. Сорвавшись с места, толкая и опережая рядом бегущих, возбуждённые мальчишки и девчонки бежали к большому обеденному столу. Тарелки, наполненные только что сваренным супом или щами, куски свежевыпеченного хлеба ещё больше возбуждали аппетит. Наконец рассевшись, приступали к еде. И только стук ложек, да характерные звуки поглощаемой пищи нарушали временную тишину.

Четыре года учёбы в начальной школе пролетели быстро. Наступил новый, наиболее трудный этап в жизни тех, кто смог продолжить учёбу дальше. Многие такой возможности не имели. Получив начальное образование, вынуждены были помогать родителям и работать в колхозе.

В пятый – седьмой классы приходилось ходить за четыре километра в соседнюю деревню. Прямого сообщения с этой деревней не было. Тропинка пролегала по полям и небольшому смешанному лесу.

Вот Я – «мужичок с ноготок» упорно пробираюсь вместе с моими сверстниками в школу, которая находилась в соседней деревне. Ни четыре километра бездорожья, заболоченная низина, раскисавшая в весеннюю распутицу и осеннюю непогоду, зимняя стужа и метели, пронизывающие ветхую одежку, не могли остановить нас в стремлении к знаниям. Учеба давалась мне легко. Окончив семилетку с отличием, я был рекомендован на учебу в среднюю школу. Ближайшая средняя школа была только в городе Солнечногорске, что в семи километрах от деревни. Ходить в школу приходилось одному. Транспорта не было. Деревенские сверстники, получив начальное или семилетнее образование, оставались работать на селе. Немногим удавалось закончить ПТУ. В те годы молодежь из деревни не отпускали. Не хватало рабочих рук. Трудности, пережитые за время учебы в семилетней школе, притупились или вовсе стерлись в памяти. Остались яркие воспоминания, особенно шалости, присущие тому возрасту.

Зима. Иногда решали в школу не ходить. Трудно было уговорить на это девчонок, но мы шли на хитрость. Выйдя из дома чуть раньше и добравшись до леса, прятались в кустах. Предрассветная темнота надежно укрывала нас. Увидев, что девчонки подходят к лесу, зажигали фитильки и, изображая волков, негромко воя, перебегали от одного куста к другому. На девочек это действовало устрашающе: постоят, посоветуются, но дальше идти боятся. Конечно, они понимали, что идти на занятия смысла уже нет, а вернуться же домой так рано, они не решались, так как родители могли заподозрить в обмане. Раскрыв нашу хитрость, девчонки решили присоединиться к нам, их желание было принято нами с радостью.

Укрывшись в еловой чаще от пурги и пронизывающего ветра, мы разжигали костер и запекали картофель. Сало и приготовленные на обед бутерброды, пышущий жаром картофель с большим аппетитом съедались. Отдохнув и повеселившись, неохотно возвращались домой.

Были и другие поступки, связанные с прогулами. Вот один из них. Глубокая осень. В ночные часы случались заморозки, сковывая мелкие водоемы и протоки тонким льдом. Домашние гуси, привыкшие летом плавать в них, не покидали их и в холодные дни, свободно плавали в полыньях, вылавливая мелкую рыбешку. Зная об этом, мы пользовались случаем и удовлетворяли спящую в нас страсть к охоте и добыче пищи. Увидев отбившийся от дома выводок, вылавливали одного из гусей и удалялись в лес. Приготовить фаршированного яблоками гуся мы умели. Этому научили нас старшие товарищи.

Рецепт прост. Подготовленная тушка гуся натирается солью, шпигуется яблоками и тушится на специальном кострище (это ямка в земле, которая выкладывается опавшими листьями). В эту ямку закладывается тушка гуся и очищенный и слега посоленный картофель. Сверху все это укрывается листьями и небольшим слоем земли. Затем над этой искусственной духовкой разводится костер. Два часа ожидания – и кулинарный шедевр готов.

Рассевшись вокруг собранных в кучу догоравших углей, приступали к нехитрой трапезе. Дымящиеся куски мяса, яблоки и тушеный картофель приятным ароматом возбуждали аппетит. Кипяток с заваренными листьями черной смородины или малины с мятой, разлитый в сол-

датские кружки, приятно обжигал губы и согревал ладони. Кто-то выкладывал краюху свежеиспеченного пшеничного хлеба. Коля Рига доставал баночку меда. Под смех и веселые шутки незаметно опустошался нехитро сервированный стол. Помню, что все было необыкновенно вкусным. Очевидно, что свежий воздух, аромат хвойного леса и слегка уловимый запах дыма от тлевшего костра усиливали это ощущение. Даже пугливые синички, слетевшиеся к кострищу, нежно попискивая, терпеливо ожидали угощения. Иногда мышка-полевка, напуганная громкими голосами и треском ломаемых веток, осторожно выглядывала из-под валежника. Убедившись, что ей никто не угрожает, незаметно возвращалась к своей норке. И только дятел, увлеченный своей работой, не обращая на нас внимания, терпеливо стучал по стволу высохшего дерева, добывая себе корм.

Отдохнувшие и посвежевшие, мы охотно возвращались домой в маленькие и слабо освещенные керосиновыми лампами комнаты, к желанному деревенскому уюту и теплу протопленных печей, где пахло свежеиспеченными пирогами и парным молоком, где одинокий фикус царствовал в окружении простой мебели.

Заметных воспоминаний об учёбе в средней школе нет. Обучение было платным. Ученики, проживавшие в сельской местности, обязаны были представить справку о заработанных в летние каникулы не менее чем тридцати трудоднях. Успехами в учёбе похвастаться не мог. Времени на выполнение домашних заданий почти не было. Учился во вторую смену. Домой возвращался в 7–8 часов вечера. Семь километров до школы, семь обратно. Транспорта не было. Приходилось добираться своим ходом. Придя домой, не до уроков было. Приходилось чем-то помогать маме: натаскать воды, надёргать из стога сена, принести дров.

Обычно плохие воспоминания в памяти с годами стираются. Но что-то остается. Остались воспоминания об унижениях, которые я испытывал в те годы. Не школа их порождала, а отдельные люди, окружавшие меня. Иногда я чувствовал себя изгоем, хотел бросить учёбу и уйти работать на завод. Я проклинал, что родился в деревне, что живу в ней и испытываю постоянное недоедание и обездоленность. Завидовал одноклассникам, живущим недалеко от школы, которым не надо было заготавливать сено для прожорливой скотины, носить воду и многое другое. Меня тошнило от запаха бутербродов, заполнявшего класс во время большой перемены. Как назло эти розовощёкие девицы и ухоженные юноши именно в большую перемену демонстрировали свои припасы, со смаком уничтожая их. В такие минуты я со своим другом, с которым сидел за одной партой в семилетней школе, уходили подальше от этой пресыщенной толпы, доставали кусок солёного сала, чёрный хлеб, солёные огурцы и наслаждались этой трапезой.

В трёхстах метрах от моего дома, на живописном берегу озера располагалась воинская часть. До войны там был летний лагерь военного училища им. Верховного Совета. В городке были зимний и летний кинотеатры, стадион. Деревенские жители этим достоянием пользоваться не могли. Городок надёжно охранялся. Только от кого и зачем? Прожекторная часть, основной задачей которой было участие в салютах, не была засекреченным объектом. Нужды офицерские семьи не испытывали. Жили в финских домиках на две семьи. Детей школьного возраста было чуть больше десяти человек. Все они учились в городских школах. Грузовой автомобиль, крытый брезентом и оборудованный лавками, служил автобусом для перевозки школьников. Мне это счастье было недоступно. Не подвозили до города, ссылаясь на перегруженность транспорта. Обидно было до слёз. Но почему так, кто распорядился, кто проявил равнодушие и подлость, запрещая подвести до школы всего лишь ещё одного человека? Почему никто не возмутился, не настоял на том, чтобы подвозили и меня. А в кузове были и взрослые, матери тех же учеников.

Я понимал, что я человек не их круга. Да и сам себя я стеснялся. Одет был плохо: пальтишка не было, носил офицерскую шинель и китель, хромовые сапоги сшил деревенский сапожник дядя Вася Конев. Рубашки, брюки мама шила сама. Материал был: те же офицерские

жёны выменивали его на молоко, мясо и яйца. Дарами деревни они пользовались сполна, но сельчан в магазин к себе не пускали.

Ходить в школу в такой форме было стыдно. Со временем привык и перестал обращать внимания на косые взгляды. Мне шёл шестнадцатый год. Одноклассницы внимания на меня не обращали. В классе были другие ребята, хорошо одетые и в меру раскрепощённые. В деревне я был своим. Хорошо играл на тульской гармошке. Мне купил её отец, когда вернулся с фронта. Сам он играл на ней легко и красиво. В доме у нас был граммофон, купленный ещё до войны. Мама надёжно сохранила его и большое количество пластинок. Музыкой мы не были обделены. Она звучала постоянно. Отец особенно любил песни в исполнении Лидии Руслановой. С особой и непонятной мне грустью он слушал песню «Заиграли, загудели провода…». Часто вспоминая о войне, он говорил, что песни Лидии Руслановой помогали им выжить. Жаль, что тогда я не записал его рассказы. Сколько было в них правды о той войне, о тех жертвах, которые порой были напрасны. С какой любовью отец рассказывал о Василии Сталине, о его скромности и простоте в общении с простыми солдатами, о его боевых сражениях. Долго об этом умалчивалось и стало известным только в настоящее время.

Закончилась учёба в школе, а на выпускной вечер мне нечего было надеть. Не в кителе же! Мама нашла выход. У кого-то позаимствовала костюм. Хоть и великоват был, но выбора не было. С болью смотрю на выпускное фото нашего класса. Скромно, как-то смущённо стою в верхнем ряду. Костюмчик явно не для моего плеча. Смотрю в сторону, то ли ища кого-то или сторонясь чьего-то пытливого взгляда.

С брезгливостью вспоминаю учителя физики – Тимофея Кузьмича. На выпускном экзамене он поставил мне «тройку», сказав во всеуслышание: «Родители твои колхозники и тебе быть колхозником». Жестоко обидели меня эти слова. Но я сдержался, не ответил, но затаил обиду. Что унизительного быть колхозником? Благодаря труженикам села, обделённым в те годы во всём, была накормлена Страна и обеспечена Великая Победа.

Мой отец был рабочим человеком. До войны работал в ЦАГИ механиком по авиационным двигателям. С первых дней войны и до её окончания служил в авиационном полку под командованием Василия Сталина. Награждён боевыми орденами «Великая Отечественная Война» 1-й и 2-й степеней, медалью «За Отвагу» и многими другими медалями.

Моя мама до войны работала швеёй на фабрике «Большевичка». С началом войны переехала жить к своей маме в деревню Тимоново. В деревне было легче прожить (в то время у мамы был я и годовалый брат). Не знал Тимофей Кузьмич, что моя мама, хрупкая и милая женщина, в 32 года вынуждена была работать дояркой. Не снят был в то время кинофильм «Председатель». Посмотреть бы Тимофею Кузьмичу тот фильм, понял бы, каким тяжёлым был почти неоплачиваемый труд крестьянина, не бросил бы тех слов в мой адрес. Да Бог с ним, Тимофеем Кузьмичом!

После окончания средней школы я поступил учиться на годичные курсы судовых радистов. Эти курсы готовили специалистов на суда торгового и рыболовного флота СССР. По окончании курсов, я был направлен на работу в рыболовный совхоз, в городе Приморске Ленинградской области. Работал радистом недолго. В ноябре 1955 года был призван в армию.

К новой жизни

Начало 90-х. Конец застоя. Жить так, как жили раньше, «низы» не хотели, «верхи» же не могли вывести страну из тупика и обеспечить народу достойную жизнь уже сегодня, а не завтра или в недалеком будущем.

Унизительно так жить народу – победителю, спасшему мир от фашизма, в бедности и ограниченному во многих конституционных правах. Богатейшая страна, а народ жил за железным занавесом и питался догмами ложной политической пропаганды о превосходстве социализма и неизбежной гибели капиталистической системы. Жизнь опровергла эти лозунги. Последние десятилетия показали, что капитализм развивался, принимал все новые и новые формы, совершенствовал демократические и правовые основы государственного устройства, межгосударственных отношений. Социализм же во многом себя исчерпал. Страна жила, добивалась определенных результатов, была привлекательна для многих слаборазвитых стран. Мы гордились достижениями в космосе, бесплатным обучением и медицинским обслуживанием, бесплатно представляемым жильем. Не все было плохо. Было много хорошего и доступного простому человеку.

Шли годы, но обещанных перемен не было. Пустели прилавки магазинов. Были деньги, но нечего было купить. Любой высокооплачиваемый товар становился дефицитом. Армия простых тружеников, выстаивая длинные очереди в магазинах и переплачивая спекулянтам за дефицит, вынуждена была покупать его – с рук можно было достать все. Даже, как говорили в Одессе, атомную бомбу. Не до балета было тогда! Балет был, хоть и не лучший в мире, но и он доступен был не всем. О какой доступности балета могла идти речь, если огромные территории Сибири, Крайнего севера, Дальнего Востока не были электрифицированы, не было телевидения и радиосвязи. О неотложной медицинской помощи люди могли только мечтать. Народ работал и не роптал, не устраивал пикетов и забастовок, принимал активное участие в выборах, верил, что обновленная власть повернется к нему лицом и на деле станет народной.

Пока же все было по-прежнему: новые пятилетки, новые почины и призывы «догнать и перегнать». Но не догоняли и не перегоняли. Застой проникал во все стороны жизни общества, душил инициативу и обрекал народ на жалкое существование. Почему в стране, богатой лесом, газом, нефтью и другими полезными ископаемыми, простой селянин не мог приобрести досок, гвоздей и других строительных материалов, необходимых для ремонта полусгнивших домов и дворовых построек? Почему строитель коммунизма не мог позволить себе хотя бы дешевенький автомобиль, а мог лишь рассчитывать на велосипед или на инвалидную коляску? Почему автомобильная промышленность не обеспечила своих же граждан простыми и дешевыми автомобилями? А если счастливчик и приобретал долгожданного «коня», то обрекал себя на поиск бензина, запчастей. И это в стране, располагающей богатейшими запасами нефти и газа. Где власть, где ее обещания? Власть была, но интересы были разными. Власть – для себя, народ сам по себе. Вот и дожили, что не коммунизм, а реальный капитализм уже шагал по нашей земле и все глубже проникал в сознание людей.

Вспоминаю случай, потрясший меня безразличным отношением колхозной власти к положению своих сельчан, возродивших колхоз из послевоенной разрухи и отдавших все силы на становление его в послевоенные годы. Это было в конце 90-х годов. Мои родители проживали в деревне Тимоново Солнечногорского района Московской области. Как-то приехав в отпуск к родителям, я обнаружил, что наш домик, построенный еще в 1920 году, заметно покосился, что не только крыше, но и всему дому требовался капитальный ремонт. Отец – ветеран войны, мать, работавшая в колхозе с малых лет и до пенсионного возраста, сказали мне, что обращались к руководству колхоза за помощью, но получили отказ. Самим же сделать

ремонт было не подсилу. Я же, служивший в то время в Вооруженных Силах СССР, помочь родителям по известным причинам не мог.

Решили вновь обратиться в колхоз за помощью. Написали заявление, обосновав необходимость такой помощи. Заявление было рассмотрено на заседании правления колхоза. На правление пришлось привести мать и отца, к тому времени тяжело болевшего. Родители просили выделить им 16 шестиметровых бревен и оказать помощь в покупке материалов для крыши. В помощи формально отказано не было. Было простое издевательство: деревья предложили самостоятельно спилить и вывести из леса, находящегося в 20-ти километрах от нашей деревни. Путей подъезда не было. Конечно, от такой помощи родители вынуждены были отказаться. В то же время рядом с правлением колхоза находилась пилорама, заваленная штабелями строевой древесины и готовых пиломатериалов. Видя и зная об этом, отец не стал унижаться и просить у председателя помощи. Морально убитый и раздраженный несправедливостью, он тяжело поднялся и неуверенно вышел. Помню его слова: «Сергей, не теряй напрасно время, ничего не добьемся, они "заелись" и нас – стариков принимают за отживающий материал». Обидно было, что члены правления, сами хлебнувшие трудностей сельской жизни, не помогли ветеранам, своим же односельчанам.

Не привыкли старики просить и добиваться желаемого. Хоть и нищими, но гордыми были. Много лет позже дом был отремонтирован. Жаль, что отец и мать этого не увидели. Колхоз был преобразован в совхоз и получил название «Солнечный». Его бессменный директор, немец по национальности, в крутые 90-е годы был убит. Недолго проработал директором совхоза «Солнечный» и его сын, погибший при невыясненных обстоятельствах.

Конец 90-х. Общество приходит в движение за действительно демократические отношения и справедливость в распределении предоставляемых государством благ, за мирную передачу власти. Власть должна служить народу, а не народ обслуживать власть. Момент настал. Классический марксистский тезис «низы не хотят, а верхи не могут» сработал. Революция, которую нерешительные власти упорно стеснялись признать свершившимся фактом, произошла. Но не было ни разработанной теории, ни обоснованных и проверенных на практике других стран принципов перехода к капиталистическим отношениям. К новой власти пришли крикуны-экономисты, шустрые юристы, преподаватели-философы, лаборанты из Госплана СССР и многие другие, не имевшие ранее никакого отношения ни к власти, тем более к политическому и хозяйственному управлению мощными государственными структурами, но готовыми отхватить лакомый кусок в царившем в стране хаосе и неразберихе в перераспределении госсобственности.

Началась глобальная приватизация, названная народом «прихватизацией». За бесценок распродавались государственные заводы и фабрики, стадионы и шахты, гостиницы и большинство культурных объектов. Обещанная властью владельцам ваучеров скорая и весомая прибыль, достойное жилье и другие блага жизни, осталась пустым обещанием. Общество расслоилось на кучку богатых и массу обнищавших и обездоленных. Тысячи ученых, инженеров, квалифицированных специалистов, рабочих были выброшены на улицы.

В труднейшем положении оказались сельские жители, пенсионеры. Происходило массовое разорение и уничтожение совхозов и колхозов, не остановившееся и по настоящее время. Деградировала и распадалась армия. Народ вынужден был искать средства для выживания. Сформировалась новая социальная прослойка – «челноки». Как грибы после дождя возникали стихийные рынки. Торговые палатки, наскоро сколоченные навесы изуродовали улицы городов и поселков. Толпы наших граждан, здоровых и инициативных, зачастую с высшим образованием и научными степенями, превратились в торгашей и колесили по дорогам нашей необъятной страны, предлагая по доступным ценам товары, привезенные из Китая, Турции, Вьетнама и других стран, еще недавно задавленных собственными проблемами. Трудно и опасно было заниматься бизнесом. Царили бандитский «беспредел» и чиновничьи поборы. Власть не

могла навести порядок в стране и защитить своих граждан. Добиться справедливости было невозможно.

Бедное крестьянство! Получив при советской власти земельные наделы в вечное пользование, они годами не могли бесплатно переоформить ее в свою собственность. Везде надо было платить: администрации, земельному комитету, регистрационной палате и адвокатам. С поборами столкнулся и я, оформляя наследство на землю и недвижимость. Печально, но вынужден был и я заплатить за мои же мытарства и бесконечную беготню по кабинетам чиновников свыше 150 тысяч рублей. Не заплатил бы, не дожил бы до решения этого вопроса.

Надо отдать должное «челнокам». Именно они, а не государство, одели, обули и прокормили население нашей страны, не дали многим морально и физически опуститься, пополнить армию нищих и бомжей. Именно они стали прообразом современных и честных бизнесменов, которые пытаются вывести страну из тупика.

О сельских тружениках хочу сказать особо. Во многих краях и областях страны крестьянство исчезло как класс. Старое поколение сельчан вымерло или доживало свои не лучшие годы. Сельская молодежь покидала родимый кров и уходила на поиск лучшей жизни. Тысячи деревень, все ещё значащихся на картах России, фактически были заброшены или постепенно вымирали. Большинство колхозов и совхозов, совсем еще недавно кормивших всю страну, перестали существовать. Проезжая по подмосковным землям или землям других районов России, видишь одну и ту же картину – кругом запустенье, безысходность. Ни хлебных нив, радующих глаз и волнующихся при легком дуновении ветерка, ни пасущихся на обширных лугах коров… Фермы заброшены, сельскохозяйственная техника разбита и валяется под открытым небом, словно фашистская техника, уничтоженная в битве под Москвой. Вокруг лишь коттеджи вычурной архитектуры, поглотившие пахотные крестьянские земли и жалкие деревеньки, задыхающиеся в окружении белокаменных дворцов, построенных на деньги (вряд ли заработанные честным путем?)

Кто распродал совхозные земли, кто разрешил капитальное строительство на них? С чьего позволения было уничтожено сельское хозяйство? Что, не было закона, запрещающего распродажу сельхозугодий под частную застройку? Был закон, да обходили его, не боясь последствий и юридической ответственности. Да и чего бояться, если сами власти активно участвовали в этом процессе. Где были прокуратура и независимые суды? Почему не прекратили царящий в государстве беспорядок? Не могли, власти не хватало? Могли, власти было предостаточно. Желание было другим. Слишком открытой была государственная кормушка и велик соблазн легкого обогащения. Воровали многие и по-разному. Тащили все, что можно было утащить или присвоить. Наживались и тратили так, что даже воротилы капитализма удивлялись разгулу воровства и взяточничества в России.

И вот эта «жадная толпа, стоящая у трона», сколотив огромные состояния, бросилась за рубеж скупать все, что представляло интерес. Приобретали виллы, яхты, земельные участки, оставляя миллиардные вклады в зарубежных банках. Общество разделилось на два лагеря: с одной стороны – богатая кучка соотечественников, алчных до наживы и развлечений, с другой – простой народ, доведенный до отчаяния и не верящий в лучшее будущее.

В качестве примера приведу совхоз «Солнечный». Не миллионер, но в советские годы был успешным хозяйством, сдававшим государству все, что рожала подмосковная земля. Было мощным и прибыльным мясомолочное производство. В настоящее время этого совхоза фактически нет. Деревни остались, но их почти не видно из-за высоких заборов коттеджей, построенных на их же землях. Деревня Тимоново, расположенная вблизи озера Сенежское, одна из красивейших деревень Подмосковья, ныне переведена в разряд поселка городского типа. Что дало это селянам? Ничего! Как не было дорог, телефона, так и нет. Жители деревни вынуждены были продать часть своих земельных участков, чтобы как-то поправить свое материальное положение. Газ и тот подвели за собственные деньги. Питьевой воды – и той нет. Кто –

то пробурил скважины, но их единицы. Остальные жители берут воду из скважины, когда-то пробуренной совхозом для животноводческой фермы. Единственный колодец, которым многие годы пользовались сельчане, в настоящее время обвалился.

Вспоминаю одну из встреч, которая произошла в один из зимних дней 2010 года. Я возвращался от друзей, которые жили на противоположной стороне деревни. Погода была скверной: сильный мороз, пронизывающий ветер. Единственная дорога, проходящая вдоль одного ряда домов, была занесена снегом. К другим домам дороги не было вообще. Смотрю, какая-то пожилая женщина, опираясь на клюку и сгорбившись почти до самой земли, тяжело несла пятилитровую бутыль с водой. Подойдя к ней, я узнал эту женщину – то была Мария Сергеевна, бывшая подруга моей мамы, также отдавшая совхозу лучшие свои годы. Поинтересовавшись ее здоровьем, я спросил: «Не святую ли водичку несёте, Мария Сергеевна? – Да нет, Сережа. Водичка простая, с колонки. Да добираться до неё тяжело стало. Годы-то ушли, мне уже 84! А дорога – сам видишь, какая? Не дай бог, упаду! Заметет, никто не схватится, не увидит и не поднимет. Живу я одна. Сын обещал и что-то не приехал. Видно работы много. А так-то, когда приезжают сыновья, и продуктов привезут, и воды принесут. Не жалуюсь, не обижена, не забыта. Что касается воды, и в этом проблемы большой нет. Мы же привычные. Помню, как в военные годы вместе с твоей мамой сорок коров водой поили, да три раза в сутки. С кормом было плохо, приходилось водой подпаивать. Разрубим лунку на пруду, поставим две бочки на санки и вперед, в любую погоду. Сильными мы были. И впрямь, любую лошадь могли наскоку остановить. Так что, Сережа, и сейчас не пропаду. Снега-то много вокруг. Растоплю и пользуюсь».

Что-то ёкнуло у меня в груди, надорвалось и отозвалось болью. Представил, что на месте Марии Сергеевны могла быть и моя мама. Мария Сергеевна рано осталась без мужа. С фронта он вернулся инвалидом, без одной ноги. Для деревенского жителя это было катастрофой. Прожил он недолго. Вскоре, то ли от ран, то ли от трудности своего положения и тоски по крестьянскому труду, он умер. Детей Мария Сергеевна воспитывала одна. К счастью, выросли порядочными людьми, получили образование и хорошие специальности.

Позже я узнал, что Мария Сергеевна в один из зимних дней поскользнулась, упала на проклятой «дороге» и сломала ногу. Скорая помощь к её дому подъехать не смогла. Врач сделал ей обезболивающий укол, наложил тугую повязку и уехал, отказав в госпитализации. Ради успокоения сообщил, что утром придет участковый врач. Врач не пришел ни утром, ни вечером, ни в последующие дни. Пришлось детям и соседке заниматься ее лечением.

Городской власти до сельчан дела нет. Почему эта деревня, чьи пахотные земли были распроданы властью под индивидуальное строительство, ничего не выделила из полученных средств на прокладку в этом «поселке городского типа» хотя бы грунтовой дороги, установке двух-трех водопроводных колонок? Скважину бурить не надо. Она есть. Требуется лишь заменить насос. Хочется верить, что действующая районная власть решит эти вопросы. Что касается предыдущей власти, то мягко говоря – не справилась. Конкретнее – проворовалась и разбогатела. Время было такое. Кого-то освобождали от должностей или переводили на другую работу, но не сажали и не отбирали награбленное.

Администрация района успела продать «Дом творчества художников» то ли армянину, то ли азербайджанцу, поскольку – её интересовала прибыль, которую могла принести эта собственность. И она её получает, сдавая помещения новым купчишкам и любителям сомнительных развлечений. Продан был и рыбхоз, который вскоре как рыбхоз был ликвидирован. Земля же, принадлежавшая рыбхозу, обнесена капитальным забором. Пройдет немного времени и на этой элитной земле будут возведены коттеджи, как были построены таковые рядом со домом творчества художников, владельцами которых являются якобы чиновники администрации района. Не сомневаюсь, что со временем простой гражданин не сможет ни искупаться, ни порыбачить на озере. Уже сейчас 2/3 его береговой черты занимают воинские части, рас-

квартированные в этом районе. Часть побережья является территорией завода. По западной стороне озера на 500 метров протянулась дамба, окаймленная бетонными плитами. Огромное озеро, а подойти к нему, отдохнуть и полюбоваться прекрасными пейзажами простому туристу и местному жителю почти негде. Два пляжа, расположенных в заболоченных частях озера, не могут принять всех отдыхающих. В разгар купального сезона вода в них грязная и пахнет отвратительно.

Куда податься молодежи? Ни библиотеки, ни клуба! При советской власти они были и действовали. Ныне бывший клуб перестроен, надстроен, обнесен высоким забором и напоминает барскую усадьбу. Кто там живет, неизвестно? Одинокий пес волчьей породы тоскливо сидит у ворот, ожидая хозяина. Лишь иногда по вечерам пахнет дымком от мангала да будят ночную тишину полупьяные крики гуляющей молодежи. Местных сельчан вечером в деревне не встретишь. Прячутся в своих покосившихся домиках, уткнувшись в телевизоры. Попивают чаек, заваренный на листьях черной смородины, восторгаются жизнью героев мыльных сериалов и проклинают свою жизнь, не оцененную и не обеспеченную по достоинству. К ночи деревня почти замирает. Лишь толпы наемных рабочих, униженных работодателями, возвращаются к своим ночлежкам, сопровождаемые истошным лаем своры собак. Даже птицы и те покинули деревню. Нет ни ласточек, ни стрижей, совсем недавно стаями рассекавших вечернее небо. Лишь ворон-одиночка, опустившись на ветку погибающего дуба, надрывно каркнет, то ли возмущаясь увиденным, то ли безнадежно зовя свою подругу. Вековой дуб повидал за свою жизнь многое: войну, разруху, становление колхоза, непосильный труд селян. Под его кроной в теплые летние вечера девчонки водили хороводы, пели простые, но близкие сердцу песни. Заиграет парнишка-гармонист на тульской гармошке вальс, закружатся девчонки, кокетливо подмигивая ребятам. А они, хорохорясь, горделиво пригласят на танец свою единственную и несравненную. Все было просто, мило и спокойно: ни брани, ни спиртного, ни хулиганства.

Напляшется, нагуляется молодежь и по домам. И только лампочка «Ильича», чуть разрывая ночную темноту своим неярким светом, дает возможность ночной мошкаре вдоволь накружиться в своём хороводе. Старушки, кого-то осудят, а кого-то не поймут, но ещё раз вспомнят свою прожитую, такую нелёгкую, но правдивую жизнь, а потом перекрестившись, с трудом поднимутся и направятся на покой, кряхтя и грозя не в меру разгулявшейся молодежи.

Только в соседских коттеджах жизнь идет на широкую ногу: бесшумно откроются автоматические ворота, пропуская дорогую иномарку, и та скроется за высоким забором от «недобрых» глаз сельчан, припаркуется в тени благоустроенного двора с прудиками, фонтанами и альпийскими горками. Забегают таджики или узбеки, ревностно ухаживающие за барским садом и изумрудным газоном. И лишь до уродства откормленный пес бойцовской породы, лениво потягиваясь, прорычит, давая знать о себе. Выйдет господин, устало потянется, снимет неумело завязанный галстук, небрежно сбросит охраннику импортный малинового цвета пиджак и уверенной походкой, гремя толстенной золотой цепью на толстой шее, скроется в тиши и прохладе своего дома.

Земля многострадальная! Извечный вопрос цивилизаций. Каждая страна, каждый народ решал его по-своему. Лишь крестьянин, живший и работавший на земле, редко испытывал удовлетворение своим положением и ощущал заботу государства о его благополучии. Не была исключением и наша многострадальная страна. После революции 1917 года земля конституционно была передана крестьянству в вечное пользование. Передана была, да только крестьянин самостоятельно распорядиться ей не мог. Время было трудным: разруха, гражданская и вторая мировая войны. Крестьянство было задавлено непосильными налогами. Не роптали, не возмущались, понимая, что трудности временные. Нужно выжить и победить. Выжили и победили!

Шли годы, страна возрождалась, улучшалась жизнь трудового народа, но только не крестьянства. Крестьянского горя сполна испытал и я. Среднюю школу закончил в те годы я, единственный, среди моих сверстников. Каким трудом это далось, знал только я и мои родители. В

старшие классы ходил за семь километров один, учился я во вторую смену. Домой возвращался поздно, транспорта не было. Одет был плохо: офицерская шинелька, китель, мамой сшитые брюки и плохонькая обувь. Портфель заменяла мне противогазная сумка, в которой кроме книг лежал скудный обед в виде куска хлеба с салом и несколько взрывпакетов на случай нападения волков. К счастью, с волками встретиться не пришлось.

А вот девочке нашей школы не повезло. Она была разорвана волками буквально на куски. Случилось это так: в тот трагический день в её классе были отменены два последних урока. Девочка, не дождавшись родителей, пошла домой одна. Она проживала в воинской части, которая находилась за озером в трех километрах от города. И беда – случилась. Она не успела дойти до противоположного берега буквально несколько сотен метров. Отец, вышедший встречать дочь, на месте ее гибели увидел лишь куски разорванной одежды и портфель.

Учиться было трудно. Только благодаря природным способностям я получил среднее образование. Эти годы я частенько вспоминаю и отчетливо вижу их во снах. Пятнадцатилетний «мужичок с ноготок», плохонько одетый и далеко не сытый, пробиваясь через зимнюю пургу и стужу, весеннюю распутицу и проливной дождь, упорно шел к знаниям. Ныне, проживая в деревне, с сожалением вижу, как местная молодежь прожигает свою молодость. Ребята, которым от роду 20–25 лет, выглядят на полных сорок. В большинстве случаев нигде не работают, довольствуются временными заработками. Что ждет эту молодежь? Почему почти ничего не предпринимает государство в области молодёжной политики?

Этим бы молодым и сильным рукам и работать на земле, возрождать ее. Создай государство необходимые условия и молодежь откликнется, станет работать на земле. Но не задаром, а с выгодой для себя и общей пользой для народа. А пока таких попыток со стороны государства не видно, сельское хозяйство не возрождается. Не будет крестьянин трудиться на земле, пока цена солярки сравнима с ценой бензина марки АИ-92, при этом она повышается ежегодно именно в период полевых работ. Правительство принимает меры по наведению порядка в этой области, но результата пока нет.

Земля, отвоеванная у природы непосильным трудом наших предков, до сих пор распродается и застраивается порой сомнительными объектами, нужными лишь для отмывания денег. Когда-то на берегу озера «Сенежское» стояла действующая церковь. Нет её. Сравняли с землей, построив на ее месте военный госпиталь. Стоит он на костях наших предков. Больные прогуливаются буквально по захоронениям. Не кощунство ли это? В этой церкви венчались мои родители, был крещен в ней и я.

Начало военной службы

Конец октября 1955 года. Обстановка в странах Варшавского договора накалена до предела. В ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии отмечены случаи проведения несанкционированных митингов, призывавших к прямому свержению действующей власти. Мне 19 лет – призывной возраст. Со дня на день ожидаю повестки из райвоенкомата. Отсрочка от военной службы как радисту, подготовленному для работы на судах морского флота, в данной ситуации уже не действовала.

Такой день наступил. Прибыл в райвоенкомат и получил направление на службу во 2-ую артиллерийскую дивизию резерва Верховного Главнокомандования, расквартированную в городе Пушкине Ленинградской области. В этот же день прибыл в город Пушкин.

Не спеша добрался до военного городка, любуясь открывшимися мне видами Царского Села, лицеем, в котором провёл свои юные годы А.С. Пушкин. Моё сердце было переполнено нахлынувшим волнением и осознанием того, что мне выпал счастливый случай прослужить три года в райском уголке и познакомиться с творениями великих художников и архитекторов, ландшафтных дизайнеров и скульпторов.

Дежурный по КПП, выслушав меня, с удивлением сказал, что в таком виде новобранцы к нам ещё не поступали. После звонка кому-то, он сопроводил меня в штаб дивизии. Спустя некоторое время старшина, пришедший за мной, сообщил, что службу буду проходить в дивизионе обеспечения штаба дивизии, а о подробностях мне расскажет командир взвода связи. В этот же день были соблюдены все необходимые формальности – пострижен, помыт и переодет в военную форму. Товарищи по взводу помогли приспособиться к новой обстановке и влиться в новый коллектив.

На следующий день для меня началась реальная военная служба: недельный курс молодого бойца, освоение табельного оружия, стрельба и принятие военной Присяги. Чуть позже командир отделения ознакомил меня с радиостанцией, на которой я должен был работать. Это был автомобильный вариант, используемый командиром дивизии на военных учениях, боевых стрельбах и в других ситуациях. Расчёт радиостанции состоял из 4 человек – командир отделения, два радиста и водителя автомобиля. Начальник отделения был опытным радистом. До службы в армии он окончил школу радистов и работал на судах рыболовного флота. Два других товарища специальной подготовки не имели и готовились непосредственно во взводе связи. Опыта работы в эфире у них не было, да и качество подготовки страдало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.